

УДК. 930.1

О.П. Володьков

ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ И СПЕЦИФИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ В ОЦЕНКЕ М.Н. ПОКРОВСКОГО

Рассматривается эволюция концепции торгового капитализма М.Н. Покровского в советский период на базе ряда статей учёного, в которых он выявлял истоки русской революции. Установлено, что даже в тот период, когда данная концепция была представлена в творчестве учёного наиболее ярко и широко, его трактовка торгового капитализма по большому счёту не противоречила основным положениям марксистской теории. Торговый капитализм в его построениях был жёстко и со всей определённой взаимосвязан и с феодализмом, и с крепостничеством, и с производственным капитализмом.

Ключевые слова: историография, М.Н. Покровский, торговый капитализм, революционное движение.

Вопрос о происхождении и корнях русской революции занимал важнейшее место в творчестве выдающегося историка-марксиста М.Н. Покровского. Указанная проблема максимально актуализировалась в нём с 1917 г. на начальном этапе становления Советского государства. Однако учёный возвращался к ней неоднократно, например в промежуток между «Русской историей в самом сжатом очерке» и «Очерками русского революционного движения XIX–XX вв.». Я уже писал об этом сюжете творчества М.Н. Покровского в одной из предшествующих своих работ [1. С. 192–200]. Здесь он звучит в контексте концепции торгового капитализма М.Н. Покровского.

В 1923 г. учёный ещё раз вернулся к изложению своей концепции русской истории в трёх небольших статьях, которые были помещены в двух сборниках, предназначенных для популяризации большевистских идей, в том числе и на международном уровне. По структуре они были близки брошюре «Царизм и революция» 1918 г. и, видимо, сыграли подготовительную роль к «Очеркам русского революционного движения XIX–XX вв.». Вообще в этот период своего творчества М.Н. Покровский много внимания уделял истории общественного движения, истории идей, их взаимосвязи с политикой, экономикой, разумеется, с выходом на торговый капитализм. Большое значение здесь для историка имело воздействие торгового и промышленного капитализма, а также борьбы между ними, на классовую борьбу, в том числе в идеологической сфере.

М.Н. Покровский подчеркнул, что с XIII в. русские князья стали крупными феодалами. Однако это не объясняет того, почему именно московские князья преуспели в ходе объединительного процесса. Для учёного ответ на этот вопрос очеви-

ден. Они установили союз с торговым капиталом, в зачаточных формах складывавшимся в России XIV–XV столетий. Что он означал на практике? Московские князья охраняли торговые пути в рамках северной и восточной Руси. Но ещё важнее то, что уже первые их представители сами участвуют в торговле. Постепенно эта последняя тенденция нарастает, и в XVI в. московский государь становится крупнейшим купцом и ростовщиком. В XVII в. она ещё более усиливается, т.е. царь превращается в «главного» купца, а в начале XVIII в. само государство превращается в торговую организацию. Экономическое объединение страны было невозможно без установления тесных торговых связей между различными её областями. И тут особая роль принадлежала торговому капиталу, ибо он предполагал регулярное обращение товаров и денег, организованную разветвлённую оптовую торговлю, концентрацию ресурсов для обмена. Напротив, наличие натурального хозяйства централизации страны ничем помочь не могло.

Рядом с торговлей, по мнению историка, шло первоначальное накопление капитала, которое в данном случае он понимал как процесс экспроприации непосредственного производителя, теряющего свою землю и всё больше произведённого продукта. Результатом такого накопления явилось крепостничество. Оно вело не к промышленному, а к торговому капитализму. Ведь феодальная собственность крепостника капиталом не является. Помещик, конечно, пытался приспособить своё хозяйство к новым рыночным условиям, но зачастую неудачно. Распространение капитализма в сфере обмена не сопровождалось аналогичным процессом в аграрной сфере, в которой преобладали феодальные отношения. Крепостное право являло собой новый тип внеэкономического при-

нуждения, позволявший «отстающим» землевладельцам более или менее последовательно подниматься на тот уровень связей с рынком, который соответствовал его состоянию вообще. Впрочем, в городе ситуация была иной, имевшей большее отношение, по крайней мере, к торговому капиталу.

Если под трактовкой петровской эпохи как периода расцвета абсолютизма понимать наиболее радикальную его попытку, то такая позиция не вызывает возражений. Вообще характеристика абсолютизма у историка живо напоминает реалии «азиатского» способа производства: всевластие монарха, бесправие подданных, государство как достояние его «владельца-хозяина».

В духе торгового капитализма М.Н. Покровский теперь представил и ситуацию второй и третьей четверти XVIII в. в России. Реальная власть в государстве тогда оказалась в руках кучки магнатов, владельцев огромных имений, ведущих торговлю. Они же были хозяевами первых крупных промышленных предприятий, использовавших подневольный труд и в значительной степени работавших на государство. Пугачёвщина заставила этих деятелей поступиться амбициями и подчиниться самодержавию. Уже Александр I и Николай I были воплощением диктатуры дворянства, т.е. класса, а не лиц [2. С. 233–235]. Означало ли это поражение торгового капитализма? Ответ на этот вопрос зависит от того, что представляло собой дворянство в первой половине XIX в. М.Н. Покровский понимал, что оно было неоднородным. Применительно к капитализму учёный выделил в нём две «фракции». На юге помещичье хозяйство под влиянием роста хлебных цен на мировом рынке превратилось в аналог американской рабовладельческой плантации. В густонаселённой центральной нечернозёмной России помещики для повышения товарности своего хозяйства вынуждены были прибегать к более изощрённым методам «рационализаторского характера». Но в обоих случаях речь идёт о землевладельцах, которые вели товарное хозяйство или стремились к этому. Первая группа, включавшая хозяйства барщинного типа чернозёмной зоны, видимо, полностью укладывалась в координаты торгового капитализма. Вторая группа их северных соседей, условно говоря, «манчестерцев», по крайней мере отчасти, тяготела к капитализму промышленному, потому что для реорганизации своего хозяйства им требовались капиталовложения. У этих групп были разные интересы, и между ними развернулась борьба, первым столкновением в которой был «заговор декабристов». Тактически «манчестерцы» проиг-

рали, но стратегически события развивались в их пользу. М.Н. Покровский в подтверждение этому привёл показатели огромного роста хлебного вывоза в период с 1820 по 1860 г. Видимо, здесь логика была такова: чтобы удовлетворять запросы рынка, уже многим помещикам понадобился переход на новые методы эксплуатации, причем необязательно «чисто» капиталистические.

Если Крымская война была начата в угоду, прежде всего, торговому (борьба за Константинополь), а отчасти, промышленному капиталу, то поражение в ней ударило по всему дворянству. В ходе крестьянской реформы самодержавие поступило двояко: процедура освобождения крестьян была проведена в большей степени в интересах крупных товарных барщинных хозяйств, а либеральные реформы в целом – в соответствии с пожеланиями «манчестерцев». Что же получилось в итоге? Самодержавие как будто (т.е. по-своему) в полной мере приспособилось к промышленному капитализму [2. С. 235–237]. Во всяком случае, николаевская монархия ему менее соответствовала.

Учёный сравнил некоторые торгово-капиталистические реалии России с зарубежным опытом. Так, если зачаточные формы торгового капитала появились в Европе (видимо, Западной) в XI в., то на Руси тремя веками позже. Торговый капитализм в этой части Европы появился в XIV в. В России же в это время наблюдался расцвет чисто феодальных отношений. В XV–XVI вв. капитализм в ней поднимался, а феодализм таял (натиск европейского и деятельность туземного торговых капиталов). К Смуте государство торгового капитала ещё не успело сложиться, хотя новый экономический режим уже появился (совокупно процессы, связанные с закрепощением). Абсолютистский тип государства Романовых (по крайней мере, до Петра I включительно) был совершенно тождествен господству Валуа и Тюдоров (вторая половина XV–XVI в. во Франции и Англии). Но речь идёт о тождестве в общем виде. Русское самодержавие было всё-таки его восточноевропейским вариантом [2. С. 230–233]. Поскольку абсолютизм и торговый капитализм в России, по М.Н. Покровскому, хронологически совпадают, мы видим, что отставание было сокращено до полутора-двух столетий. Дальше – больше. «Россия конца XVIII века ещё не знала другого капитализма, кроме торгового. О капиталистической промышленности... почти не приходится говорить» (т.е. имел место промышленный капитал, а не соответствующий ему капитализм). Всего сто лет ему понадобилось для того, чтобы «пробежать тот путь, по которому Западная Европа шла три сто-

летия». Да, русский капитализм успешно догонял западный, но, кроме него, в России оставался ещё и феодализм. Наряду с этим учёный находил «огромный комплекс стран, подчинённых тому же закону исторического развития, как и Россия, – стран, осуждённых на большевизм судьбою», относя к ним Японию, Китай, Индию [3. С. 82, 84]. Это было отражением завышенных ожиданий (со стороны большевиков) от переноса центра мирового революционного движения на Восток и отсутствия (по объективным причинам) глубокого комплексного марксистского анализа его состояния. Впрочем, сопоставление генезиса капитализма в России и в странах Востока представляется плодотворным.

Историк указывал на то, что эпоха торгового капитализма не связана только с историей капитала. Он давал ей и вполне «современную» трактовку как периода разложения феодального и возникновения капиталистического строя. Правда, хронологически учёный «сдвигал» его вниз, начиная его с рубежа XVI–XVII вв. Соответствующая эпоха в Англии и Франции, по словам М.Н. Покровского, началась во второй половине XIV, а в Германии в первой половине XVI века. И в Западной Европе, и в России этот переход был революционным. В России он сопровождался четырьмя крестьянскими революциями XVII–XVIII веков. Крестьяне действительно выступали против гнёта помещиков и феодального государства, но, как максимум, за удаление из наличного социального порядка наиболее неприемлемых звеньев. Здесь опять-таки важно не столько использование термина, сколько конкретная характеристика данного крестьянского выступления, а она требует более подробного рассмотрения вопроса. Система торгового капитализма базировалась не на «чистых», классических формах феодализма, а на поздних, возникших в связи с генезисом капитализма.

М.Н. Покровский также отмечал, что в России к середине XVII в. окончательно сложился крепостной строй, после пугачёвщины он ещё более укрепился, а пал под напором промышленного капитализма в 1861 г. [4. С. 229, 231–232]. Более того, учёный в данном контексте не избегал термина «феодализм». По его мнению, исходным толчком обострения классовых отношений могло быть «катастрофически быстрое вторжение капитализма в страну, в своей толще глубоко ещё феодальную». Феодализм остался «в русской деревне» даже после 1861 г. Историк так определил соотношение между феодализмом и капитализмом: в течение длительного времени «бурный поток» капитализ-

ма «смывал» ту или иную часть «стены» некоего феодального строения. Продолжая эту аллегорию, можно сказать, что в какой-то момент оно рухнуло, но не исчезло, ибо развалины остались, мешая продвижению капитализма «по английскому или хотя бы прусскому образцу» [3. С. 82–83]. Таким образом, даже терминологически учёный не определял основу экономической системы, социальных процессов в стране в XVII–XIX вв. только как торговый капитализм. И это в то время, когда его концепции вроде бы ничто «не угрожало». Значит, историк без всяких внешних влияний сущностно не отчуждал торговый капитализм ни от крепостничества, ни от генезиса капитализма.

На этом фоне представляет интерес сравнение М.Н. Покровским своих дореволюционных взглядов с воззрениями советского периода. Он утверждал, что в его ранних статьях по внешней политике, опубликованных в многотомнике «История России в XIX в.», была отражена позиция II Интернационала. «Империалистская война... покончила... с его исторической концепцией». Правда, советская историческая наука по состоянию на начало 1920-х гг., с точки зрения учёного, пока не создала ничего лучшего. Получается, что научные воззрения историка в то время были ближе к меньшевистским. Но вряд ли это можно отнести к его общим курсам от «Русской истории с древнейших времён» включительно. Повлияла ли данная эволюция взглядов М.Н. Покровского на его концепцию торгового капитализма? Учёный заметил лишь, что международные отношения он освещал «не столько с точки зрения реальных экономических интересов различных социальных групп (...), сколько от идеологии этих групп» [5. С. 390–391]. Значит, речь идёт о степени опосредованности бытия сознанием: интересы ближе к материальному миру и общественной практике, чем идеи. Но, похоже, свои же «старые» представления об этих последних у него нареканий не вызывали.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Володьков О.П.* Торговый капитализм в первых после-революционных работах М.Н. Покровского (1918–1919 гг.) // III Омские исторические чтения: сборник статей и тезисов выступлений научной конференции. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 240 с.
2. *Покровский М.Н.* Царизм и корни революции 1917 г. // Ежегодник Коминтерна: Справочная книга по истории международного рабочего, политического и профессионального движения, статистика и экономика всех стран мира на 1923 г. Пг.; М., 1923. С. 232–248.
3. *Покровский М.Н.* Корни большевизма в русской почве // Российская коммунистическая партия – вождь пролета-

риата: Сб. статей, посвящённых 25-летию РКП / под ред. В.А. Быстрянского. Пг., 1923. С. 81–85.

4. *Покровский М.Н.* Революционное движение прошлого // Ежегодник Коминтерна: Справочная книга по истории международного рабочего, политического и профессиональ-

ного движения, статистика и экономика всех стран мира на 1923 г. Пг.; М., 1923. С. 229–232.

5. *Покровский М.Н.* Послесловие // Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 390–391.